

Нахмурившись, Цянь Тулянь снова покачал головой. Нет, это не тот ответ, который он хотел услышать. Вопрос крутился в его голове несколько раз, и, наконец, он не выдержал и задал его:

— Ты... ты и Сюнь Дайци... вы всё ещё вместе?

— А?

Вопросы Цянь Туляня становились всё более неожиданными. Цинь Эр повернул голову и с недоумением посмотрел на него.

— Сюнь Дайци? Откуда ты знаешь?

Ему казалось, что в прошлый раз, говоря о первой любви, он не упоминал имени Сюнь Дайци.

— Ну... ну... неважно, как я узнал.

Обсуждать чужие секреты было нехорошо, и Цянь Тулянь хотел сохранить в тайне источник информации.

— Сначала ответь на мой вопрос.

Цянь Тулянь настаивал, и Цинь Эр пришлось терпеливо объяснить:

— Я говорил, мы никогда не были вместе.

Никогда не были вместе? Да, в прошлый раз он так и сказал. Но как тогда объяснить парные имена? Лин Шибэй говорила, что они выставляли свои отношения напоказ на весь класс!

— Тогда почему ты не изменил никнейм?

Глаза Цянь Туляня расширились, узкие веки стали шире.

Цинь Эр вдруг осознал, что его никнейм так и остался тем, который несколько лет назад специально изменил Сюнь Дайци.

Не зная, откуда Лянчжай узнал об этом, Цинь Эр слегка нахмурился и с лёгкой улыбкой ответил:

— Просто забыл изменить, я редко его использую.

Кроме Цянь Туляна, Цинь Эр никогда не связывался с другими людьми, а если и связывался, то не открывал их профили, чтобы увидеть забытый никнейм.

— Тогда почему вы в итоге не стали вместе?

В прошлый раз он лишь сказал, что Сюн Дайци из-за депрессии уехал за границу, но не уточнил, вылечился ли он и поддерживали ли они связь.

— Сяо Ци... я был причиной его болезни. С ним я был бы больше обузой, чем поддержкой, и он не был бы счастлив.

Говоря о Сюн Дайци, Цинь Эр чувствовал грусть. Улыбка на его губах едва держалась.

Нельзя останавливаться на полпути. Сегодня Цянь Тулян должен был выяснить всё до конца:

— Он не был бы счастлив... а ты? Ты хотел бы быть с ним?

— Нет.

Юношеская любовь была лишь нежным чувством, и нельзя было сказать, что это была настоящая любовь. Она не могла выдержать испытания реальностью и болезнью.

Покачав головой, Цинь Эр повернул шею, перемещаясь на подушке.

— С ним я был бы несчастлив.

Цянь Тулян хотел продолжить, но Цинь Эр опередил его:

— Лянчжай, подойди, ляг.

Он кивнул, указывая Цянь Туляну лечь рядом.

Через одеяло Цянь Тулян послушно лёг на бок, не опираясь на подушку, и тихо прижался к нему.

— Я не могу двигаться, подойди ближе, ляг.

Шея напряглась, голова чуть не соскользнула с подушки, и Цинь Эр изо всех сил старался приблизиться к Цянь Туляну.

Инстинктивно поддерживая шею Цинь Эра, Цянь Тулян поправил подушку и, шевелясь, подобрался ближе. Рука опустилась, и он, решившись, обнял верхнюю часть тела Цинь Эра через одеяло.

Цинь Эр оставался лежать на спине, повернув голову в сторону Цянь Туляна.

Расстояние между ними было таким же, как в прошлый раз, и в переплетении дыхания Цинь Эр почувствовал запах алкоголя.

— Лянчжай, ты выпил.

— Да.

Честно кивнув, Цянь Тулян был совершенно трезв, но, пользуясь моментом, прижался к Цинь Эру, положив голову на его плечо.

— Ты пьян?

Короткие волосы слегка щекотали шею, и Цинь Эр, не имея возможности отодвинуться, лишь слегка потерся подбородком о макушку Цянь Туляна. Смех в его голосе был невозможно скрыть.

— Я не пьян, у меня хорошая выносливость к алкоголю.

Правда, но для Цинь Эра это звучало как оправдание пьяного. Он лишь улыбнулся, не споря с подвыпившим юношей.

— Ещё один вопрос.

Запах стирального порошка успокаивал Цянь Туляна, и, глубоко вдохнув, он тихо спросил:

— Ты счастлив со мной?

— Конечно.

Не успевая подумать, что Цянь Тулян имел в виду под «счастьем», Цинь Эр сразу же ответил утвердительно. От юноши исходил странный запах — мясо, алкоголь, сладкий соус, мята. Этот густой и необычный аромат заставил его сморщить нос, но он не мог удержаться и наклонился ближе.

— Такого счастья у меня не было даже до травмы.

Оно было больше, чем счастье с Сюн Дайци.

Боясь, что Цянь Тулян может подумать иначе, Цинь Эр добавил.

Радуюсь, что успел спрятаться, Цянь Тулян уткнулся лицом в шею Цинь Эра и широко улыбнулся. Огонь в его сердце нашёл запал, и скоро должен был вспыхнуть фейерверк.

В темноте голос Цянь Туляна звучал глухо, но чётко.

Он сказал:

— Последний вопрос.

Руки сжимались всё крепче, и, если бы не болезнь Цинь Эра, Цянь Тулян прижал бы его к себе.

— Ты жалеешь, что спас его?

Тело слегка наклонилось в сторону, и боль становилась всё ощутимее, но Цинь Эр с радостью терпел.

— Я не святой, конечно, жалею. Но... если бы всё повторилось, я, вероятно, снова не смог бы остаться в стороне... Может, я бы стоял крепче? Или изменил позу. По крайней мере...

Цинь Эр слегка опустил подбородок, ресницы дрогнули. Подняв глаза, он увидел в них мягкий блеск.

— По крайней мере, я бы не упал на шею.

Спустя три года то, что когда-то казалось невыносимой болью, стало поводом для шутки.

— И всё же ты святой.

Сердито ткнув Цинь Эра в плечо, Цянь Тулян слегка отодвинулся и строго посмотрел на него.

— Лянчжай, тебе жаль меня?

С улыбкой приняв этот взгляд, Цинь Эр почувствовал, что сегодня Лянчжай особенно мил.

— Да! Очень жаль!

Приподняв край одеяла, Цянь Тулян обнял левую руку Цинь Эра.

— Но, если бы ты не получил травму, мы бы, вероятно, не встретились.

Прошлое было болью. Но именно эта боль связала нас, хотя мы должны были пройти мимо друг друга, не так ли?

Рука нащупала левую руку Цинь Эра, и Цянь Тулян снова прижался к нему. Не отстраняясь, не смущаясь, и, конечно, не пьяный, он был совершенно трезв.

Глядя в глаза, он чётко произнёс:

— Ты сейчас тоже хорош. Ты такой, какой есть, и мне это нравится.

Любовь ли это?

Тот вечер, когда Цянь Тулян поспешно ушёл, больше походил на бегство. Его последующее охлаждение тоже не было без причины.

Во время этого отчуждения Цинь Эр не раз размышлял. Каждую ночь, когда сон не шёл, он вспоминал тот день, пытаясь понять, что именно он сказал или сделал, что вызвало недовольство юноши.

Неужели он заметил ту жалкую потребность во внимании?

Скрывая, что уже освоил школьную программу, он принимал ежевечерние сообщения с конспектами, оправдывая это тем, что это поможет юноше лучше сосредоточиться на уроках. Но это было лишь прикрытие. Цинь Эр знал, что движет им — это неконтролируемая жадность.

После травмы все вокруг, даже незнакомые люди, стали относиться к нему одинаково, и он вынужден был принимать их сочувствие, сожаление, избегание и чрезмерную заботу, которая лишь подчёркивала его уязвимость.

Всё это постоянно напоминало ему: «Цинь Эр, ты действительно изменился».

Реальность и отношение окружающих заставляли его привыкнуть к своему состоянию, принимать свою беспомощность. У него не было выбора, кроме как смириться, чтобы хоть немного облегчить грусть своих родителей и сохранить остатки самоуважения, продолжая жить в этом теле.